

10. Schumpeter J. *Desyat velikikh ekonomistov ot Marksa do Keynса* [Ten Great Economists from Marx to Keynes]. Trans. from English N.V. Avtonomova, I.M. Osadchaya, N.A. Rozinskaya; sc. ed. V.S Avtonomov. Moscow, Gaydar Institute Press, 2011. 416 p.
11. Sombart V. *Burzhua: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka; Khudozhestvennaya promyshlennost i kultura* [Bourgeois: Studies in the history of spiritual development of modern economic man; Art and Culture Industry]. Trans. from German. Moscow, TERRA – knizhny klub Publ., 2009. 576 p.
12. *Professii.doc. Sotsialnye transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri* [Professions.doc. Social transformation of professionalism: outside and inside glances]. Eds. E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov. Moscow, Variant Publ., 2007. 408 p.
13. Clark B.R. *Sozdanie predprinematelskikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Development of Entrepreneurial Universities: organizational directions of transformation]. Trans. from English A. Smirnov. Moscow, State University – Higher School of Economics Publ. House, 2011. 240 p.
14. Moborn R., Chan Kim U. *Strategiya golubogo okeana* [Blue Ocean Strategy]. Trans. from English I. Yushchenko. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2014. 304 p.

УДК 321.015

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Мартин де Йонг,

PhD, профессор государственной политики, доцент Факультета технологий, политики и менеджмента Технологического университета Делфт (Нидерланды); профессор Школы менеджмента Харбинского технологического института (Китай); адъюнкт-профессор школы Международных и общественных отношений Фуданьского университета, г. Шанхай, Китай. E-mail: w.m.dejong@tudelft.nl

Латышева Елена Владимировна,

канд. филос. наук, доцент каф. культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: Levsky@tpu.ru

Гончарова Наталья Александровна,

ст. преподаватель каф. культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: natg@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования составляющих успешного политического и экономического развития Китая, пример которого представляет интерес с точки зрения методов и приемов заимствования и адаптации социально-политических институтов. Для российского сообщества это особенно важно в связи с ускоренными темпами социально-экономического развития и с необходимостью поиска эффективных моделей этого развития. Однако многие исследователи отмечают определенные негативные последствия, связанные с тем, что заимствованные модели не адаптируются с учетом национальной и местной культурной специфики. Китайский вариант реформ представляет собой иной подход, который, по мнению авторов статьи, является если не более успешным, то, по крайней мере, достаточно эффективным в условиях специфических национальных экономик.

Цель работы: выявление и обоснование подходов, отражающих национальную специфику заимствования политических институтов, на примере реализации проектов развития эко-городов Китая.

Методы исследования: сравнительный анализ, включенное наблюдение, контент-анализ, ретроспективный анализ и экспертная оценка.

Результаты: Выявлены административные механизмы, которые позволяют говорить об институциональной трансплантации в Китае. Обосновано, что эклектика, креативность, градуализм и критическое отношение, с которыми происходит институциональная трансплантация в Китае, оказываются ключевыми факторами его административной стабильности и экономического успеха. Установлены особенности адаптации концепта эко-города посредством исследования урбанистской политики Китая.

Ключевые слова:

Институциональная трансплантация (заимствование), градуализм, эклектика, урбанистическая политика, эко-город.

Со времен правления Мао Цзэдуна в Китае многое изменилось – политические процессы принятия решений стали более открытыми и менее централизованными. За прошедшие несколько десятилетий уменьшилась концентрация власти, и с точки зрения инициирования, и с точки зрения доминирования политической составляющей в принятии управленческих решений. Хотя Мао Цзэдун и Дэн Сяопин обладали огромной силой влияния как исторические личности и как политические лидеры, с тех пор рост самосознания различных заинтересованных сторон, институтов гражданского общества и средств массовой информации, усиливающееся воздействие Интернета обусловили более плюралистический характер политической действительности принятия решений в Китае. Все это произошло в обход всеобъемлющего контроля Китайской Коммунистической Партии (ККП), без универсального избирательного права, с большинством СМИ, официально существующих как правительственный микрофон. Немаловажно, что изменения происходят, несмотря на имеющиеся недостатки, при поддержке широких слоев китайского населения, которое относительно удовлетворено политической стабильностью и экономическим процветанием и поддерживает существующий режим.

Поиск лучшей модели, политической и экономической, не является главным предметом исследования в этой статье. Анализ работ зарубежных ученых (Minxin Pei, P. Rutland, D. Shambaugh, S. Wang) относительно возможных путей развития посткоммунистических режимов, в том числе Китая, отражен в более ранних исследованиях М. де Йонга [1]. Не предпринимая попытки оценить обоснованность предположения Minxin Pei о том, что Китайская Народная Республика оказалась в ловушке из-за градуалистского (постепенного) способа развития, или же идеи P. Rutland или S. Wang по этому вопросу, обратимся к процессу, посредством которого политические лидеры Китая заимствуют институты и адаптируют политические концепты западных (главным образом европейских) и азиатских стран. С позиции настоящего можно лишь предположить, что «иностранным» вдохновленная реформа с нуля не была бы более успешной в стабилизации политики и росте экономики, чем политическая практика постепенного развития, основанная на предыдущем культурном опыте. В любом случае подобное предположение может иметь место, так как показатели экономического роста Китая, в целом, были и продолжают быть высокими, подтверждая обоснованность выбранного пути, основанного на техническом прогрессе.

Вполне возможно, что гибкость Азии в общем и Китая в частности может быть понята в духе эклектизма, руководящего процессами селекции и заимствования политических и экономических моделей других стран. Представляется, что этот градуалистский и селективный подход к заимствованию политических институтов допускает боль-

ше свободы в пересмотре оригинальных идей в соответствии с местным институциональным контекстом и возможность взаимодействия существующими культурными особенностями и механизмами административного регулирования. Радикальные реформы и революции, будь то во Франции, России или Китае, редко достигали политической стабильности и экономического процветания и вели к транспарентности процессов. Вместо этого они, по сути, оборачивали новые радикальные институциональные трансплантаты в существующие политико-культурные особенности и традиции.

Чтобы ответить на вопрос, с помощью каких механизмов происходит заимствование политических идей и институтов в Китае и их адаптация в соответствии с внутренними культурными практиками, мы обращаемся к следующим аспектам:

- 1) административные механизмы, которые позволяют говорить об институциональной трансплантации в Китае;
- 2) китайская ситуация институционального бриколажа, описываемая посредством теории трансфера политических технологий и институциональной трансплантации (институциональная трансплантация – трансфер (перенос) политических концептов и институтов в страну-реципиент из политических моделей, продвигаемых международными организациями или реализуемых странами-донорами, которые впоследствии реализуются в стране-реципиенте [4]);
- 3) эмпирическая иллюстрация теоретических пунктов, упомянутых в разделах 1 и 2; описание практики создания так называемых экологических городов в Китае как примера адаптации западной концепции;
- 4) главные идеи, почерпнутые из китайского опыта относительно желательности градуализма и эклектизма в евро-азиатской политической трансплантации.

1. Механизмы, объясняющие стабильность и непрерывность политического режима Китая

Сразу же после падения Берлинской стены, когда «всемирная история закончилась» [2], многими предполагалось, что «недемократические» и «авторитарные» режимы нестабильны и нуждаются в кардинальных реформах по пути к жизнеспособному курсу развития, но в последующие два десятилетия все намного усложнилось. Xiaw ei Zang, автор рабочего документа № 2010/84 для Международного научно-исследовательского института экономики развития Университета ООН, демонстрирует, что наличие «автократии» или «демократии» – это только прогнозный показатель политических правил, которые способствуют экономическому росту [3]. Он утверждает, что жизненно важно различать хороших и плохих диктаторов. Хорошие диктаторы осуществляют политику, ведущую к экономическому росту, такую как инве-

стиции в публичное образование и инфраструктуру, тогда как плохие диктаторы облагают налогом своих граждан для своего собственного обогащения. Ключ к пониманию, почему «не избираемые» правители и элита, на которую они опираются, ограничены в своих хищных действиях и производят большой экономический «пирог» для всех, это ответ на вопрос, каким политическим процессам подвергается эта элита. Для случая Китайской Народной Республики, Хяу эй Занг приводит четыре главных причины: 1) с тех пор как Китай стал республикой, политическая легитимность всегда зависела от экономического развития; 2) относительно низкие налоговые ставки создали бум частного производства; 3) относительная стабильность коммунистического режима позволила лидерам проводить стратегическую политику; 4) возможность обойти традицию верховенства закона при наличии сильного и автономного государства как принимающего политические решения авангарда, не опасаясь оппозиции гражданского общества, и механизмов, с помощью которых определенные элиты управляют государством и налагают ограничения на «хищническое» поведение государства. Но тогда, кто представляет эти управляющие элиты в Китае?

Следует отметить, что отличие Китая от большинства посткоммунистических стран в том, что им руководит все еще коммунистическая партия (ККП). ККП в Китае всегда была идеологически крепкой политической организацией, принадлежность к которой – это предмет гордости и отличительная черта, выделяющая человека среди остальной части общества. Путь, каким официальная идеология воплощается в жизнь, возможно, изменился за эти годы, но не исчез фокус на производство нравственно подкованной элиты, которая в состоянии вести за собой государство и страну. Эта специфическая социализация талантливых и мотивированных людей в идеологическое элитное сообщество порождает чувство сопричастности, подкрепленное сильными взаимосвязями и возможностью развивать определенный тип гуанси: межличностные сети, основанные на отношении «*quid pro quo*» (услуга за услугу). Гуанси – специфически китайская система отношений. Она строится на трех основных опорах: связи с родственниками; принадлежности к той или иной группе, сообществу, нации; отношении с людьми, наделенными властью [10]. Расходы, необходимые для членства в клубе, могут быть рассмотрены как инвестиции в социальный капитал, под которым подразумеваются фиксированные расходы для членов, позволяющие сократить до минимума переменные издержки контактов, переговоров и проведения сделок между членами клуба [5]. В каком-то смысле можно предположить, что членство в таком крупном общенациональном элитном клубе включает как идеологические, так и нормативные ограничения свободы участия членов клуба в рентоориентированных практиках, и поддерживает

цель повышения благосостояния страны, но также дает возможность использовать эти персональные сети во имя собственной выгоды, а для коррупции – превалировать над более широкими социальными интересами.

Китайские гуанси-сети, существующие в рамках ККП, являются, таким образом, клубными благами, которые могут использоваться для эффективной предпринимательской деятельности, приводящей к производству благосостояния в отсутствие эффективного верховенства закона через понижающиеся операционные издержки (механизмы координации для инициирования, проведения и управления сделками в среде, характеризующейся высокой институциональной неопределенностью). Но они могут также породить незаконные сделки (транзакции), приводящие к неразборчивой коррупции и рентоориентированному поведению, не производящему экономическую выгоду для общества в целом. В этом смысле гуанси-сети элиты ККП представляют палку о двух концах, и их чистый экономический эффект зависит от стимулирования, которым они подвергаются. Как отмечает С. Herrmann Pillath в своей работе «Культура, экономический стиль и природа китайской экономической системы»: «...один из признаков китайской трансформации – смешение ролей предпринимателей с правительственными единицами, исполняющими предпринимательские функции; это акторы, действующие в сфере рынка и политики и необузданной коррупции. Как отмечается, политические предприниматели в Китае стали одной из движущих сил происходящих изменений только из-за их материального интереса. Как результат – специфическая структура рыночного предпринимательства, которое действует по принципу зависимости от государства. Эта зависимость, однако, установлена через сложные сетевые структуры, которые пересекают формальные границы между государством и экономикой, и в которых политические и рыночные предприниматели совместно договариваются о роли «государства» как хранилища материальных и нематериальных ресурсов» [6].

ККП, таким образом, составляет доминирующее организационное средство, с помощью которого происходит эта предпринимательская деятельность, и члены партии постигают философию, которая потенциально связывает их обязанностями по отношению к остальному сообществу. Возможно ли поддерживать стабильный политический режим, обеспечивающий экономический рост, принимая неуправляемую коррупцию и распространенное рентоориентированное поведение среди его элит? На эту тему есть статья российского автора А. Шевченко [7]. По его мнению, партийные кадры в Китае, прежде всего, мотивированы двумя вещами:

- 1) как должностные лица они должны максимизировать местный экономический результат и производительность в сферах, находящихся

под их ответственностью, стараясь, чтобы их показатели выглядели хорошо в глазах начальников, которые могут обеспечить им карьерное продвижение;

- 2) как частные предприниматели они должны совершать (частные) ориентированные на прибыль действия, увеличивающие их семейный капитал.

Единственным способом сделать эту комбинацию возможной для руководства ККП было создание мотивации для поддержания необходимой степени согласованности с центральной политикой, с ограничением легких путей для ориентированного на прибыль поведения и предотвращением появления заинтересованных влиятельных групп, способных приостановить процесс реформ. Эти цели были реализованы: путем поощрения членов элиты ККП к производству большого количества общественных благ, таких как инфраструктурные проекты (социально-экономически выгодные и прибыльные для их разработчиков); путем адресации всех значимых и важных решений к лидерам КПП и путем предупреждения крупномасштабной приватизации государственных корпораций и банков.

Следовательно, произошел не тихий процесс маркетизации, ослабляющий власть государства, а растущий благоприятный и прибыльный симбиоз государственных организаций, государственных предприятий и частных корпораций с гуанси кадрами ККП, действующими в качестве клейкого вещества, связывающего эти организации. По словам А. Шевченко: «...проводя постепенную приватизацию, сосредотачиваясь на мелких предприятиях и контролируя спонтанные тенденции приватизации, лидеры ККП ограничили прибыльные «легкие пути» для ориентированного на собственное обогащение поведения. Накопление благосостояния было поощрено посредством создания новых предприятий, а не посредством приватизации существующих» [7].

Можно утверждать, что, даже если (пост) коммунистические системы подвергаются серьезным переменам, их недавно возникшие формы все еще несут следы их исторических особенностей и, что их дальнейшее развитие зависит от предшествующего пути. Худшее, что могут сделать страны в переходном периоде – слушать и выполнять советы по политическим реформам «плохих Самаритян», какими Н.Д. Chang называет западных и вдохновленных Западом экспертов из международных организаций [8]. Такие советники рекомендуют «переходным» и «развивающимся» странам соблюсти принципы рынка и правила международного капитализма, даже если это означает полный пересмотр их конституционной и организационной структуры. Проблема практики политических трансферов состоит не только в отсутствии исторической осведомленности у многих экспертов в области рыночной экономики [9–11], она демонстрирует полное непонимание того, как нацио-

нальные культурные ценности влияют на политическое и административное поведение [12]. Фактически это интеллектуально нечестно: если бы западные страны последовали своему же совету, когда они были все еще на пути экономического развития, они в действительности никогда не достигли бы успеха. Активное вмешательство государства, протекционизм, колониализм и укрепление монополистических позиций были неотъемлемой частью их политики в те дни [8].

Это подводит нас к вопросу, рассматриваемому в разделе 2: как можно обеспечить соответствие местному институциональному контексту, следуя политическим советам из-за границы, и в чем специфика подхода, применяемого политическими лидерами Китая?

2. Достоинства селективной институциональной адаптации

Главный тезис, который постулируется в данном разделе, состоит в том, что селективность, креативность, гибкость и критическое отношение, с которым происходит институциональная трансплантация в Китае, оказываются ключевым пунктом в его административной стабильности и экономическом успехе.

Когда китайские политические лидеры или производители просят совета западных коллег в сфере инноваций для своих научных парков, они склонны искать по миру зарекомендованные на практике технологии и впечатляющие результаты, и собирать различные существующие и удачно функционирующие компоненты во что-то новое и значащее. Они не идут на риск с образцами, которые еще не доказали свою эффективность. Зачем самостоятельно проводить эксперименты, если можно заимствовать примеры и удачный зарубежный опыт. Голландцы говорят, что предпочтительнее «украсть что-то хорошее, чем изобрести что-то плохое».

При поверхностном взгляде на проблему можно предположить, что имитация и эмуляция подразумевают бессмысленное копирование политических идей, программ и институтов. В таких случаях среда, в которую должна осуществляться трансплантация, в основном игнорируется, местная адаптация не происходит, и взаимодействие с другими политическими инструментами и правилами, которые уже существуют, не берется в расчет, что приводит к провалу заимствованной модели. Это в действительности случается повсеместно, так же как и в Китае, например – адаптация транспортной политики [13, 14] и применение теории сетей [15]. Но во многих случаях адаптация оригинальных примеров не происходит автоматически и бессмысленно, а осуществляется более избирательно и сознательно. Такие трансплантаты функционируют надлежащим образом в соответствии с местным контекстом, и можно утверждать, что превосходят оригинал. Так, китайские политические лидеры, вдохновленные законодатель-

ством западных стран, адаптировали достаточно много норм гражданского и общего права и успешно применили их дома, но без сопутствующего аспекта верховенства закона и независимой судебной власти, которые являются фундаментальными для западных правовых систем [16, 17].

Нужно подчеркнуть, что зачастую эти трансплантации работают эффективно согласно местным политическим лидерам, в то время как западные аналитики описали бы их как искаженные и «нереальные вещи». Это – почти зеркальное отображение известного изречения консервативного реформатора XIX в. Zhang Shih-Dong (1837–1909): «...китаец учится для основных принципов, западный человек – для практического применения» [18, 19]. Более того, китайская традиция придает большее значение социальным и экономическим правам на уровне семьи и группы, чем правовым и политическим правам индивидуума, и это вряд ли изменится. Подразумевает ли это, что азиатские политические лидеры не жаждут или не способны осуществлять трансплантацию идей и институтов такими, какими они должны быть, или западные аналитики что-то упускают в этом процессе?

Призыв к поиску перспективных и зарекомендовавших себя идей можно услышать повсюду в Китае. Обращаясь к впечатляющим результатам, которых достигли китайские политические лидеры, анализируя изменения режима и копирование уроков из-за границы, D. Shambaugh пишет: «...это предпринимается по определенным практическим причинам: для того, чтобы прогнозировать, какие проблемы могут возникнуть в ККП, и копировать успешные примеры того, как разрешать эти проблемы с целью поддержания власти ККП. ... Как в фактически любой области реформ Китая, на политической арене ККП готова искать полезные идеи за границей, чтобы селективно адаптировать, ввести их в местные китайские институты и практики. Я имею ввиду китайский феномен – «эклетиное государство Китая»» [20. С. 102]. При внимательном изучении, мы не найдем ничего похожего на слепое копирование универсальных «лучших практик», применяемых где-то, а скорее обнаружим эклектичную подделку оригинальных идей, делающую адаптационный процесс, а также окончательный результат, похожими на части «бриколажа», собранного вместе из множества источников, иностранных, а также внутренних. Это может проявляться также в разных публичных сферах, о чем пишет L. Ledderose, в его «Десяти тысячах вещей; модульное и массовое производство в китайском искусстве»: «...специфический подход Китая к искусству и другим областям общественной жизни – это не поиск точной репродукции отдельных объектов природы, а «бриколаж»: подражание способности природы к производству безграничного числа объектов в различных модульных образцах» [21].

Политическое руководство в Китае, начиная с династии Цин и до недавнего времени, не часто

имело возможности определять свой собственный способ и темп институциональной адаптации образцов из развитых стран. Следовательно, руководство Китая было вынуждено принимать под серьезным давлением западные политические образцы, такие как система французского стиля дипломатии и англо-американская политика открытого рынка [22, 23], или учиться, опираясь на Советское руководство, строить «народную демократию» с его однопартийной системой и преобразовывать основанный на сельском хозяйстве способ производства в промышленный. Оба пути были неполноценны с точки зрения действительно автономного и целенаправленного трансфера со стороны страны-реципиента. Только короткий, но богатый на события, промежуток времени между династией Цин и Китайской Народной Республикой заставил все еще имеющих влияние руководителей, таких как Сунь Ятсен, предпринять серьезную попытку выстроить независимый национальный политический курс, нацеленный на приобретение знаний посредством адаптации иностранных примеров демократии и принципов рынка, но с опорой на сильные национальные основы [18, 24]. Он признавал, что единственный способ превзойти Запад – это учиться у него, так же, как японцы начали делать многими десятилетиями ранее. Известно, что его жизнь закончилась задолго до того, как он смог выполнить задачу, которую он себе поставил. Этот целенаправленный, селективный и саморефлективный подход к политике трансфера был возобновлен только в 1960-х гг., когда председатель Мао был вовлечен в этот процесс советскими коллегам. Дэн Сяопин продолжил этот процесс с помощью политики реформ, которая началась в 1978 г. и, по существу, длится до сих пор, заимствуя уроки стран Запада, и особенно США, с учетом полезности для Китая, а не желательности изменений с точки зрения западных наблюдателей.

Китайские политические лидеры были всегда довольно прагматически настроены. Это лучше всего отражено в пословицах Дэн Сяопина: «Не имеет значения, черная ли кошка или белая, пока она ловит мышей» (всегда учет сначала полезности, целесообразности) и «Переходить через реку осторожно, нащупывая камни под ногами» (продвижение осторожным методом проб и ошибок). Как только становится очевидным, что принятые политические решения оказываются не работающими на практике, они часто откладываются и заменяются другими без лишней суматохи. Этот путь можно охарактеризовать как эффективную и перспективную практику заимствования с целью избегания неопределенности, позволяющую политикам копировать селективно и синтезировать местные и зарубежные политические идеи. Потенциальные трансплантаты оцениваются скорее на основе национальных (особенно экономических) интересов, текущих (прежде всего, политических) планов и практических (главным образом технических) достоинств, нежели продвигаются как теоре-

тически надежные и соответствующие принципам доминирующей экономики или политическим зарубежным идеалам.

В более ранних работах М. де Йонг подчеркивал важность рассмотрения политики трансфера как процесса институционального бриколажа, в котором следует избегать слепого и фанатичного копирования [25, 4]. Внимание к творческому объединению различных успешных методов в одном синтезированном решении, предоставление маневренного пространства для переговорных процессов различных местных игроков, полезное, но не доминирующее отношение политических доноров и подходящий вариант для уже существующих конституционных и институциональных механизмов – ключевые моменты для успешной «институциональной трансплантации». Аналогично С.М. Radaelli показал важность «контекстуализации» в процессах политического трансфера [26]. Понятие «политический трансфер» применяется сравнительно недавно, означая, что трансплантация автоматически подразумевает переформулировку политических концептов согласно новому национальному контексту, повторно связывая их с доминирующими концептами в этой новой институциональной среде [27]. Основным моментом во всех вышеупомянутых аргументах – это то, что не весь политический блок или институт переданы от А к Б, а скорее, оригинальная политика демонтируется и повторно собирается и, что процесс, с помощью которого это происходит, значит больше, чем результат. Итог рассмотрения процессов политического трансфера в этом ракурсе можно выразить в следующем: продолжающееся институциональное расхождение между развитыми странами и странами переходного периода естественно; это разнообразие зачастую точно отражает разнообразие в предпочтениях и институциональных особенностях; страны-реципиенты с активной и избирательной позицией, идущей вразрез с доминирующим мнением аналитиков-консультантов с их универсальными рецептами, имеют шанс выиграть от такого отношения к адаптационному процессу.

Из-за независимой позиции, которую заняли политические лидеры в Китае, недавно адаптированные институты были включены в существующую структуру, т. е. был реализован подход, не идущий в разрез с исторически обусловленным развитием. Другими словами, этот процесс не был полностью навязан внешними субъектами, а отражал особенности существующей китайской системы, эклектично соединяя международные и локальные идеи. Отсутствие верховенства закона, демократии, плюрализма энергично подвергалось критике, но пока однозначно не установлено, что для успеха политической трансплантации нормы должны быть продиктованы внешними наблюдателями, а не внутренними пользователями. В конечном счете культурные особенности и политические традиции оказываются более устойчивыми, чем многие ожидают, – явление хорошо известное

ведущему политологу R.D. Putnam, который объяснял культурными различиями длительное региональное разнообразие в Италии [28].

3. Китайская адаптация феномена экологического города

В ответ на пугающие экологические проблемы и движимые желанием быть конструктивным мировым игроком в области сокращения выделений углекислого газа, китайские политические лидеры с готовностью восприняли концепты «эко-город» и позднее «низкоуглеродный город». Центральное правительство издало множество законов и постановлений с целью поощрения местных органов власти становиться первопроходцами в этой области. Обзор китайской политики в области устойчивого развития показывает, что правительство намеревается инвестировать 2 триллиона китайских юаней (приблизительно 133 миллиарда долларов США), на продвижение зеленой низкоуглеродной экономики в период 2011–2016 гг. Китайское правительство уделяет существенное внимание и выделяет ресурсы для укрепления административных инструментов для реализации концепции устойчивого развития, издавая новые законы в области защиты окружающей среды на различных уровнях [29], такие как общенациональное продвижение экологических областей, экологических городов и экологических округов (2003), и закон, продвигающий циркулярную экономику (2008). Кроме того, в 2004 г. был начат проект учета зеленого ВВП совместно с Государственным управлением по охране окружающей среды и Национальным Бюро Статистики Китая [30]. С тех пор как закон о сохранении энергии был пересмотрен в 2007 г., на передний план в качестве критерия оценки работы местных органов власти были выдвинуты цели энергосбережения. Эти законодательные усилия, наряду с волной инициатив в области эко-городов по всей стране, показывают сильную заинтересованность с обеих сторон. В ответ на эту правительственную инициативу много городов предприняли попытки обустроить недавно построенные или отремонтированные районы как «низкоуглеродные города» или «эко-города». Фактически в Китае сейчас больше развивающихся экологических городов, чем где-нибудь еще в мире, – явление, привлекающее большое внимание иностранных аналитиков. Но вопрос здесь состоит в том, как китайские города интерпретируют для себя концепт экологического города в его планировании и практической реализации.

Оригинальный концепт экологического города, в представлении P. Soleri и R. Register, выделяет в качестве отправной точки экологическую пропускную способность биорегиона, окружающего город [31, 32]. Развитие экологического города в его самой чистой форме вращается вокруг стремления к таким домашним хозяйствам, заводам, офисам, инфраструктуре и городскому пространству, которые сокращают потребление ресурсов, используют

их повторно до максимальной возможной степени, перерабатывают отходы, а оставшиеся (негодные для повторного использования) отходы идут на возвращение энергии и/или питательные вещества. Это подразумевает много новых городских особенностей, включая иное (более плотное) использование городского пространства, другие технологии производства и потребления, основанные на местных ресурсах, внедрение альтернативных источников энергии, сокращение форм индивидуальных моторизированных средств передвижения, внедрение цикличного водоснабжения и еще многое другое. Если говорить кратко, это требует такой формы городского развития, которая существенно контрастирует с преобладающими потребительскими запросами и с ожиданиями будущих жителей процветающих азиатских городов.

В действительности появилось большое разнообразие типов и видов инициатив в области создания экологических городов. Предпринимая попытку отображения разнообразия этих инициатив, S. Joss предложил типологию проектов экологического города, основанную на его существенных чертах [33]. *Во-первых*, он дифференцирует проекты экогородов по трем типам развития: 1) новая разработка; 2) расширение городского пространства; 3) модификационное развитие. *Во-вторых*, он различает три этапа развития: 1) пилотная фаза (планирование); 2) разработка; 3) реализация. Помимо этого, S. Joss определяет три ключевых способа реализации проекта: 1) проект воплощает экологический город как технологические инновации; 2) проект включает интегрированный устойчивый план; 3) проект сосредотачивается на аспектах политического руководства. Относительно последней классификации, он пришел к выводу о том, что во многих реально существующих экологических городах присутствуют различные комбинации этих трех характеристик. В итоге, он выделяет шесть главных движущих сил для реализации проектов экологических городов, воздействующих совокупно: экологические проблемы, социально-экономическое давление, развитие бизнеса, культурный брендинг, политическое руководство и международное сотрудничество.

Что касается Китая, то можно констатировать, что, с одной стороны, он не был пионером в экологическом городском развитии; с другой стороны, как только популярность этих идей возросла среди местных органов власти благодаря национальному законодательству и возможностям финансирования, множество эко-городов расцвело в короткий отрезок времени в Китае. Местные органы власти стали рассматривать их как способ повышения привлекательности их территории, предлагая больше зеленых зон, постепенно выводя из этих зон промышленность, которая вызывает серьезное загрязнение воздуха, и привлекая отрасли производства, ориентированные на высокие технологии и сферу услуг, ориентированные на высокую доходность. Их цель, прежде всего, создание городов

знаний, обеспечивающих высокую добавочную стоимость по мере роста числа инновационных компаний.

В терминах S. Joss китайские проекты больше, чем в других странах, сосредоточены на новом строительстве (из-за высокого давления урбанизации и интересов в сфере недвижимости высшего сословия и среднего класса, требующих зеленого, удобного, просторного пространства для жизни). Главным образом движущей силой проектов является развитие бизнеса, политическое руководство, международное сотрудничество, которое фокусируется на передаче знаний в области зеленых технологий промышленности и энергетики. Хотя экологическая эффективность не маловажна, и приверженность устойчивости может быть искренней в глазах иностранных консультантов, инженеров и архитекторов, рост ВВП и минимизация издержек преобладают над сокращением уровня углекислого газа, продвижением сберегающих технологий, в том числе цикличности водоснабжения и отходов. Определяющим в процессе уменьшения значения экологических показателей является наличие чрезмерного количества институциональных стимулов, которые: благоприятствуют политикам, делающими карьеру, осуществляя двойной рост экономических показателей неважно какими способами; подстегивают инвесторов, разработчиков и строителей получать высокую краткосрочную прибыль, сокращая затраты, не учитывая стандарты качества; предоставляют субсидии и освобождения от налогов проектам, которые только интерпретируются как экологически выгодные, на деле лишь подобны эко-городам, использующим зеленые технологии, а продвигаются через экстенсивный трансфер знаний. Как следствие, китайские города изобилуют научными парками в стиле хай-тек и исследовательскими институтами, в новых городах и пригородных районах строятся скоростные автомагистрали и линии метро, появляются все больше парков и садов, и лишь несколько архитектурных достопримечательностей могут быть охарактеризованы как «зеленые пространства».

В то время как предписания теоретиков экологического города подразумевают, что интегрированная устойчивость и вовлечение общественности более важны, чем технологические достижения и экономический рост, китайская практика ставит основной целью объединение этих двух направлений, демонстрируя больше технократические тенденции, нежели экократические [34]. Реакции жителей пассивны и сосредотачиваются, прежде всего, на желании улучшения уровня жизни и гигиенически чистой среды обитания для себя. Хотя иностранные эксперты часто жалуются, что внедрение проектов эко-городов оставляет желать лучшего, частично из-за отсутствия строгого соблюдения экологических стандартов, оптимизм среди китайских политических лидеров остается неизменно высоким. Сучжоу и Тяньцзинь облада-

ют репутациями очень успешных проектов экологических городов в Китае, частично из-за Сингапурского участия в финансовых инвестициях и перемещения туда национальных и международных высокотехнологичных компаний, из-за их чистоты и, особенно, из-за их быстрого расширения и высокого роста ВВП.

Иностранные правительства (например, шведские, немецкие и финские), кроме сингапурского, не инвестировали так много финансовых ресурсов в китайские проекты экологических городов, но оказывали консультативную поддержку, способствовали городскому и инфраструктурному развитию и учреждению в научных парках зеленых технологичных фирм. За большинство их услуг заплатила китайская сторона. Менее успешные экологические города оказались способными привлечь некоторые зеленые технологичные фирмы в свои парки науки и техники, но главным образом сосредоточились на городском и экономическом развитии.

Таким образом, в Китае экологические города приравниваются к городам знаний и городам высоких технологии. Чтобы достигнуть этого, города активно просят политической и юридической поддержки со стороны Пекина и научного и технического содействия (и если возможно инвестиций) от иностранных правительств и экспертов. На местном уровне городская администрация ответственна за общее направление и составление основных документов, а правительство провинции располагает финансами для составления проектной документации и может нанимать для строительства конкретных разработчиков проекта. Между тем, местные жители в лучшем случае слышат о намерениях властей через СМИ или не осведомлены об устойчивом развитии и замыслах по изменению пространства, в котором они живут.

На примере опыта М. де Йонга в качестве экспертного советника в сингапурско-голландско-китайском проекте «Шеньчжень – Низкоуглеродный Город», можно сказать следующее: идеи, высказанные в отчете, посвященном большому числу экологических, экономических, инфраструктурных, социальных и культурных проблем (NGI & HITSGS, 2011) были приняты клиентами (Шеньчжень и Лонганг), но в последующей адаптации определенные элементы (реконструкция некоторых зданий стиля хакка, строительство выставочного зала и продвижение зеленого технического научного парка) были осуществлены как автономные инициативы, в то время как большая часть оригинальных мыслей была заменена из соображений быстрого строительства, ограниченных бюджетов, привлечения престижных компаний и продвижения этого проекта низкоуглеродного города как инновационного продукта, который может быть продан другим городам Китая и мира. Не осуществлялась координация между различными

отделами для обеспечения интегрированного плана реализации. Здесь можно согласиться с исследователем Китая Л. Руе, что в то время как лояльность государственного служащего вышестоящим начальникам сильна и вертикальная организационная интеграция хорошо обеспечена, горизонтального сотрудничества и координации между организационными и ведомственными структурами в китайском обществе чрезвычайно трудно достигнуть, если только это не находится на особом контроле у вышестоящего руководства [35]. Это затрудняет спонтанно возникающую необходимость широкой координации и интеграции различных областей эко-политики, что является ключевым моментом во многих европейских инициативах экологического города.

Было бы заманчиво предположить, что адаптация концепта экологического города Китаем была неудачной. Многие иностранные аналитики, эксперты и архитекторы, близкие к внедрению проектов, в которых используется концепт эко-города, действительно пришли к такому заключению. Также верно, что по сравнению с более успешными случаями экологического городского развития в таких городах, как Стокгольм, Севилья, Фрайбург и Куритиба, уровень интегрированности в реализации китайских эко-городов оставляет желать лучшего, и экологические преимущества довольно мрачны. Наконец, не соблюдалось большинство предписаний относительно конвенционального подхода и участия соответствующих стейкхолдеров в управлении проектами.

Однако к такому заключению можно придти, если не учитывать ранее описываемую сущность бриколажа и трансплантации зарубежного опыта ККП. Современный китайский способ заимствования уроков из-за границы построен на принципе разрешения клиенту устанавливать самостоятельно политическую повестку дня, расценивая его, а не страну-донора, как критерий успеха, допуская градуалистский подход и эклектизм в трансплантации политики на основе доминирующих внутри страны институциональных методов и предпочтений. Осуществление движения в сторону устойчивого экономического развития – это трудный и долгий процесс. Следовательно, единственным путем вперед, который не разрушает существующие административные методы и предпочтения действующих лиц, является обеспечение соответствия заимствованных моделей с политическими планами государственного аппарата, все еще руководимого желанием технического прогресса и экономического роста, с особенностями китайской экономической системы и предпринимательской деятельностью, и с учетом сравнительной пассивности и реактивности гражданского общества. Институциональный бриколаж обеспечивает изменения через непрерывность и продолжение начатого пути, вероятно, это и есть «китайский путь».

4. Градуализм и эклектизм

Ситуация с экологическими городами фактически та же самая, что и в большинстве других областей политических и стратегических изменений Китая: значительный прогресс достигнут, но основные проблемы остаются. Вопрос состоит в том, принесла бы шоковая терапия, рекомендованная Minxin Pei и другими критиками китайского политического режима, больше экономических, экологических, социальных воодушевляющих результатов. Представляется, что это не так и что ее последствия были бы тревожны как для государства, так и для общества. В этой статье представлено, прежде всего, описание китайской ситуации, ее доминирующих политических и административных характеристик, а также селективных и градуалистских путей, которыми чиновники различных уровней осуществляют политический трансфер (политическую трансплантацию) из-за границы. Следует согласиться с D. Shambaugh, что этот способ – лучшая возможность для коммунистического режима поддержать его адаптируемость в борьбе с новыми вызовами. Цитируем его снова: «...так же, как в опыте с экономической реформой, ККП, наиболее вероятно, будет проводить политическую реформу поэтапно: экспериментируя с новыми методами тут и там, распространяя их постепенно горизонтально и вертикально, принимая те, что работают, отклоняя те, что не работают. В этом осторожном и постепенном процессе, рождается новый вид партийного государства: эклектичное государство Китая. Так же, как в экономике, в обществе и других областях развития, в быстром изменяющемся Китае современная китайская политика отражает множество иностранных и местных практик, скомбинирован-

ных вместе в новый вид политического гибрида» [20. С. 181].

Знание, что «надлежащее управление» больше не евро-американская монополия и что трансформация должна происходить с поправками на культурные и институциональные различия становится действительностью, с которой иностранные наблюдатели и советники должны считаться, работая с Китаем или другими азиатскими странами. Отказ от ложного осознания, что собственные экономические фундаменты и социо-политические надстройки неотъемлемо выше и лучше, тревожно и, возможно, является эмоциональной стороной геополитических изменений [36]. К счастью, условие необходимости потери этого ложного осознания более не западная монополия. Во времена династии Цин (XIX в.) большинство людей в Китае и, конечно, элита (ученые, чиновники) были убеждены в превосходстве Китая и его центральном положении среди других рас в мире. Они считали невозможным полагать, что воздействие западных технологий, способы производства и структуры управления могут затмить китайские. Это вынудило проникательных наблюдателей и реформаторов, таких как Даогуан, Линь Цзэсюй и Ли Хунчжан, в ситуации укрепления британской, французской, японской и американской держав начать вести борьбу и показать свои соратникам, что их страна и цивилизация не являлась автоматически центром мира, у которого другие варварские страны могли и должны учиться. Это, возможно, просто незначительное напоминание, с которым можно не согласиться, однако следует помнить уроки истории о том, что доминирующий и сильный не означает априори правильный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- De Jong M. China's art of institutional bricolage: Selectiveness and gradualism in the policy transfer style of a nation. *Policy and Society*, 2013, no. 32, pp. 89–101. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.polsoc.2013.05.007> (accessed 20 February 2014)
- Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York, Avon books, 1992. 418 p.
- Zang Xi aw ei. *Working paper no. 2010/84 for the United Nations University World Institute for Development Economics Research*. Washington, DC, 2010.
- De Jong M., Lalenis K., Mamadouh V. *The theory and practice of institutional transplantation: Experiences with the transfer of policy institutions*. Dordrecht; London; Boston, Kluwer Academic, 2002. 313 p.
- Schramm M., Taube M. *The Institutional Economics of legal institutions, Guanxi, and Corruption in the PR China*. 2001. Available at: icgg.org/downloads/contribution10_schramm.pdf (accessed 10 March 2014)
- Herrmann P.C. *Culture, economic style and the nature of the Chinese economic system*. Hong Kong, 2005. 33 p.
- Shevchenko A. Bringing the Party back in the CCP and the trajectory of market transition in China. *Communist and Post-Communist Studies*, 2004, no. 37 (2), pp. 161–185.
- Chang H.J. *Bad Samaritans: The myth of free trade and the secret history of capitalism*. New York; Berlin; London, Bloomsbury Press, 2008. 221 p.
- Arthur B.W. *Increasing returns and path dependence in the economy (economics, cognition, and society)*. Ann Arbor, Michigan University Press, 1994. 224 p.
- Herrmann P.C. Cultural species and institutional change in China: The state of the (Economic) art: Reviving culture without cultural analysis. *Journal of Economic Issues*, 2006, XL (3), pp. 539–574.
- Hodgson G. *How economics forgot history: The problem of historical specificity in social science*. London, Routledge, 2001. 448 p.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the Mind*. New York: Mc Graw Hill, 2010. 550 p.
- Wang R. Shaping urban transport policies in China: Will copying foreign policies work? *Transport Policy*, 2010, no. 17 (3), pp. 147–152.
- De Jong M., Mu R., Stead D., Ma Y., Xi B. Introducing public-private partnerships for metropolitan subways in China: What is the evidence? *Journal of Transport Geography*, 2010, no. 18 (2), pp. 301–313.
- Groenleer M., Jiang T., De Jong M., De Bruijn H. Applying Western decision-making theory to the study of transport infrastructure development in China: The case of the Harbin metro. *Policy and Society*, 2012, no. 31 (1), pp. 73–85.
- Chow D.K. *The legal system of the People's Republic of China*. St Paul (MN), Thomson West, 2003. 523 p.
- De Jong M., Stoter S. Institutional transplantation and the rule of law: How this interdisciplinary method can enhance the legit-

- imacy of international organisations. *Erasmus Law Review*, 2009, no. 2 (3), pp. 311–324.
18. Fairbank J.K. *The great Chinese revolution 1800–1985*. New York, Harper Perennial, 1986. 396 p.
  19. Shambaugh D. *China goes global: The partial power*. Oxford (UK), Oxford University Press, 2013. 320 p.
  20. Shambaugh D. *China's communist party: Atrophy and adaptation*. Washington, DC, Woodrow Wilson Center Press, 2007. 234 p.
  21. Ledderose L. *Ten thousand things: Module and Mass Production in Chinese art*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2001. 272 p.
  22. Berridge G.R. *Diplomacy: Theory and practice (4th ed.)*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2010. 242 p.
  23. Gelber H.G. *The dragon and the Foreign devils: China and the world; 1100 BC to the present*. London; New York; Berlin, Bloomsbury Press, 2009. 512 p.
  24. Lieberthal K. *Governing China: From revolution to reform*. New York, WW Norton & Company, 2004. 528 p.
  25. De Jong M., Edelenbos J. An insider's look into policy transfer in transnational expert networks. *European Planning Studies*, 2007, no. 15 (5), pp. 687–706.
  26. Radaelli C.M. How context matters: Regulatory quality in the European Union. *Journal of European Public Policy*, 2005, pp. 924–943.
  27. Mukhtarov F., Gerlak A.K. River Basin organizations in the global water discourse: An exploration of agency and strategy. *Global Governance*, 2013, no. 19 (2), pp. 307–326.
  28. Putnam R.D. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1993. 276 p.
  29. Zhang K., Wen Z. Review and challenges of policies of environmental protection and sustainable development in China. *Journal of Environmental Management*, 2008, no. 88 (4), pp. 1249–1261.
  30. Zhang Z. China is moving away the pattern of «develop first and then treat the pollution». *Energy Policy*, 2007, no. 35 (7), pp. 3547–3549.
  31. Soleri P. *Arcology: The city in the image of man*. Cambridge, MA, MIT Press, 1974. 256 p.
  32. Register R. *Eco-cities: Rebuilding cities in balance with nature*. New Gabriola, BC, New Society Publishers, 2006. 308 p.
  33. Joss S. Eco-cities: The mainstreaming of urban sustainability: Key characteristics and driving factors. *International Journal of Sustainable Development and Planning*, 2011, no. 6 (3), pp. 268–285.
  34. Chang I.-C., Sheppard E. China's Eco-cities as variegated urban sustainability: Dongtan Eco-City and Chongming Eco-Island. *Journal of Urban Technology*, 2013, no. 20 (1), pp. 57–75.
  35. Pye L. *The spirit of Chinese politics (New ed.)*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 1992. 288 p.
  36. Moisi D. *The geopolitics of emotion: How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope are Reshaping the World*. New York, Doubleday, 2009. 194 p.

Поступила 13.05.2014 г.

UDC 321.015

NATIONAL FEATURES OF INSTITUTIONAL TRANSFER PROCESS: URBAN DEVELOPMENT POLICY OF CHINA

Martin de Jong,

PhD, TU-Delft (Netherlands); School of Management, Harbin Institute of Technology (China), the Netherlands, Delft, 2628 CN, Stevinweg 1; adjunct professor at the School of International Relations and Public Affairs of Fudan University, Shanghai, China.
E-mail: w.m.dejong@tudelft.nl

Elena V. Latysheva,

Cand. Sc., National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: Levsky@tpu.ru

Natalia A. Goncharova,

National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: natg@tpu.ru

The urgency of the discussed issue is caused by the need to investigate the components of successful political and economic development of China. For the Russian community it is especially important because of accelerated social and economic development that leads to searching its effective models. However, many researchers note that many negative consequences are connected with insufficient account of national and local cultural specifics in institutional adaptation policy. China represents another approach which, in author's opinion, if not more successful, but at least, rather effective within specific national economies.

The main aim of the study is to reveal and to prove that practice of urban development reflects the national features of institutional transplantation in China.

The methods used in the study: comparative analysis, observation, content analysis, retrospective analysis and expert survey.

The results: The authors have provided an overview of the administrative mechanisms leading them to conclude that one can certainly speak about a path-dependent view of institutional transplantation in China. They claimed that the eclectics, creativity, gradualism and critical attitude with which institutional transplantation is applied in China turn out to be a decisive point in its administrative stability and economic success. They also singled out the adaptation features of the concept «eco-city» with urbanism policy and city development practice in China.

Key words:

Institutional transfer, gradualism, eclectics, urban policy, eco-city.